

Этой весной в городе ходили фантастические слухи о том, что возвращается Бродский. Некоторые из нас ждали его в апреле, к празднику поэзии у Фонтанного Дома. Публикуемый материал показывает, как далеко это было от истины: Бродский не собирается возвращаться и, похоже, попал в ту ситуацию, о которой сами "англоязычные" говорят так: "Если ты занят нелюбимым делом — полюби его".

Ричард Мэрин

ЭМИГРАНТ ПРИЗНАЕТСЯ В ЛЮБВИ К АНГЛИЙСКОМУ

"Почему вы не назовете их Фабрицио и Джульена? Или Ромео и Джульета? Нет?... Уже сделано?"

Поэт, эссеист и советский эмигрант Иосиф Бродский предлагает по телефону своему приятелю название какой-то вещи.

Пожав плечами, он вешает трубку, садится и берет одиночную красную розу — подарок знакомой эмигрантки, недавно прибывшей в Соединенные Штаты. Он крутит её в руках, затем швыряет её на кофейный столик.

"Таракан", — объясняет он.

Таково ненасытное воображение Бродского: он видит не только розы, но и тараканы.

В январе общество критиков "Национальная книга" отметило Бродского своим престижным призом за его блестящее эссе. Сборник критических статей и воспоминаний "Меньше чем один" выдержал нелегкое состязание с такими претендентами как эссеистика поэта Энтони Хекта и литературного критика Нина Уэллека. Это — замечательное достижение, особенно если учесть, что все эссе Бродского, за исключением трех, были написаны на английском, который он стал изучать лишь после своего изгнания из Советского Союза в 1972 году.

В США холодная и сложная поэзия Бродского сразу нашла своих почитателей. После публикации "Меньше чем один", он получил признание и как тонкий стилист-прозаик.

Теперь, в 47 лет, он находится в самом благотворном для большинства писателей возрасте. Он высоко ценит присужденную ему награду, но все-таки прозе предпочитает поэзию.

Кажется, что Бродский был бы больше польщен, если бы получил награду за свои стихи.

"Это не значит, что я — природная птичка — поэт, предпочитающая всегда чирикать. Но я мог бы и не писать прозу. Пи-

сать её приходится по необходимости, и все статьи в этом сборнике были написаны именно по необходимости, быть может даже и автобиографические."

Необходимостью для появления книги "Меньше чем один" стала нужда в деньгах. Восемь лет тому назад Бродскому потребовалось 3000 долларов для маленькой квартиры в Гринвич Вилледж, где он и сейчас живет. Он обратился к издателю Роджеру Штраусу из компании "Фаррар Штраус и Жиро", предложив ему свой сборник. Тот ответил: "Бейби, сколько тебе нужно?"

Так рассказывает эту историю Бродский, явно гордясь своим владением американским слэнгом. Хаотично употребляемые разговорные выражения (многие, кажется, взятые из фильма "Девушка из долины") оживляют его речь и другим. "По большому счету, — говорит он, — я ими упиваюсь". Его речь часто прерывается — но не оттого, что он не знает какого-то английского слова. Он ищет точное, истинное слово. В паузах он с большим акцентом тянет: "Уэлл" (похожее больше на "Ва-ал").

Его квартирка мала даже по нью-йоркским стандартам. У стен стоят книжные шкафы, и стопки книг в мягких обложках ненадежно вздымаются на уровне глаз. Названия книг говорят о широте интересов и познаний их владельца: 82-томная русская энциклопедия прошлого века, литература на нескольких европейских языках и множество английских словарей.

Почему ему нравится писать на английском?

"Уэлл, прежде всего, я попал в более интересную компанию, или, быть может, кажушуюся такой, потому что она больше — английская литература стариннее русской. И это просто огромное удовольствие.. Вдохновляешься от того, что пишешь на языке, на котором раньше ничего не делал."

В своем сборнике-эссе он говорит о том, что стал писать на английском "желая угодить тени". "Тень" — это английский поэт У.Х.Оден, которого Бродский называет "величайшим умом двадцатого века".

Он встретил Одена в его доме в Кирхстетене, в Австрии, в 1972 году, спустя 48 часов как покинул СССР. Потом в Англии вышел первый поэтический сборник Бродского (это нарушало советское законодательство), и Оден написал к нему вступление,

назвав молодого эмигранта "первоклассным поэтом".

Эта книга "Джозеф Бродский: Избранные стихи", год спустя была издана в США издательством "Харпер и Роу". Его стихи вскоре стали появляться в таких журналах как "Нью-Йоркер", "Нью-Йорк Ревю" и "Кеньон Ревю". "Фаррар Штраус и Гиро" этой зимой собираются издать третий сборник, под названием "Дань Урании".

Бродский стал писать стихи в 18. Он родился в Ленинграде в 1940 году, в образованной семье со стесненными средствами, окончил школу в 15, и стал работать. Сперва это был военный завод, известный как "Арсенал", затем больничный морг, где Бродский решил, что будет делать карьеру в медицине. Оба места, вспоминает он, "были поблизости от "Крестов", ленинградской тюрьмы на 999 камер..."

"Я ~~хотел~~ хотел стать доктором. Но вскоре передумал и стал писать стихи. Тогда-то и открылись для меня двери самих "Крестов".

Протеже великого русского поэта Анны Ахматовой, он, как и она, был наказан за свою писательскую деятельность. В 1964 он был осужден на пять лет каторги (за "социальный паразитизм") в Архангельской области, на севере России. Протесты на родине и за рубежом сократили наказание, но цензура и строгий контроль за передвижениями не оставляют его вплоть до высылки из СССР 4 июня 1972 года.

После недолгого пребывания в Вене и Лондоне он появляется в США сперва в Мичиганском университете, где вел семинар по поэзии, а затем — в Колумбийском, "чтобы быть поближе к морю". Сейчас он делит время между своей нью-йоркской квартирой и колледжем "Маунт Холстоук" в Массачусете, где ведет три семинара — тяжелый груз, вызывающий у его друзей опасения, не нанесет ли он ущерба поэтическому творчеству. Сам Бродский не беспокоится: "если учительство мешает твоим книгам, значит, они мало стоят".

Это замечание характерно для его отношения к литературе: серьезному, но не слишком. Он даже придерживается немодной точки зрения искусства ради искусства, а не "ради, скажем, политиков".

"Пишут поэзию не оттого, что хотят рассказать какую-то историю или выразить идею, а оттого, что, уэлл, хотят услышать определенные звуки, слова, комбинации."

Кем из современников он восхищается?

Список возглавляет польский эмигрант, родившийся в Литве, Чеслав Милош, и родившийся в Тринидаде поэт Дерек Уолкотт. Из американских поэтов он любит Р.П.Уоррена, Энтони Хекта и Марка Стренда.

Кого он не любит? — например, нобелевского лауреата Габриэля Гарсиа Маркеса, автора широко известной книги "Сто лет одиночества, которую Бродский развенчивает как "развлекательную, этнографическую". Его литературные стычки известны, и многие из них были с его друзьями — эмигрантами. Когда появился неуклюжий роман Василия Аксенова "Сгоревший", Бродский сказал: "Макулатура". Дружеские отношения писателей прервались.

Бродский выписывает "Нью-Йоркер" и много времени проводит за чтением английских и американских авторов. Дэйви, Рифф, который знает Бродского 11 лет и представляет его интересы в "Фаррар, Штраус и Жиро", говорит, что Бродский "продолжает традицию писателей, которые подобно Конраду и Набокову, приняли другой язык, и добавляет, что сделали что-то действительно оригинальное. Он говорит, что политические взгляды Бродского "поколебали" некоторых американских литераторов с левыми симпатиями.. Среди советских эмигрантов он, похоже, придерживается самой жесткой линии.

Он не только против коммунизма и Советов. Он твердо поддерживает Рейгана: "Как президент он намного лучше, намного эффективней даже в этой дисбалансированной ситуации, нежели его предшественники Картер или Форд".

Он одобряет Стратегическую Оборонную Инициативу и не верит в гласность: "Западные журналисты переводят это как "открытость"... Это — чушь. Дословно это — "открывать рот", и означает лишь всего паблисити, рекламу. Лучше назовите это — (глянец)."

Бродский однажды написал: "чтобы стать тираном, надо быть скучным". Ну а как же Михаил Горбачев с его общепризнан-

ным очарованием и красноречием? "Я подозреваю, что в системе подспудно происходит эрозия. Но она еще тверда. Она еще сильна. Она еще может убивать."

Хотя он предпочитает не обсуждать свои дела с советскими диссидентами, его друзья рассказывают, что Бродский не жалеет ни денег, ни времени, чтобы помочь другим писателям эмигрировать из Советского Союза.

12 лет он пытался убедить советские власти разрешить ему увидеть своих родителей, пока они не умерли. Ему все время отказывали, не объясняя причин.

В последние семь лет у него было три сердечных приступа, дважды ему делали операции на сердце. Друзья опасаются за его расшатанное здоровье. От пороков, которым он с удовольствием предавался, пришлось отречься. Он бросил пить и курить, хотя распорядок дня оставил прежним. Он отказался от надежды получить разрешение на пилотирование. Он меньше выходит. Яр-ко-красный телефон осуществляет его общественную жизнь.

Бойтся ли он смерти?

"Да. И это постоянно влияет на мои мысли и работу. Но возможно, для писателя это — полезная штука, потому что, уэлл, смерть, она — как редактор. Она редактирует тебя, твоё мышление, твоё сочинительство.

Одно из его последних воспоминаний об Одене было, как тот сидел в кресле, положив под себя два тома оксфордского английского словаря: "Я подумал, что вижу единственного на свете человека, который имеет право использовать этот словарь для сиденья."

Наверное, никто не возразит, что Бродский имеет такое же право.

Май 1987 года

Журнал "Инсайт", приложение к "Вашингтон Таймс".